

изнуряющим солнцем, или в Аргентине — с ними шли на антиамериканские демонстрации студенты Буэнос-Айреса.

И конечно их пели соотечественники Чангмарина, когда бесстрашно вышли на улицы маленькой Панамы, чтобы потребовать свободы для своей родины.

Замечательный поэт панамский индеец Чангмарин все еще не может не плакать, все еще не может не прятать улыбку, все еще грустна его земля и грустны даже самые веселые его песни. Но они, эти гневные песни, помогают земле поэта.

Недавно на русском языке вышла еще одна книжка Карлоса Чангмарина «Жизнь во мраке». На этот раз переведены его прозаические произведения — рассказы. Их всего восемь в книжке. В большинстве своем — о людях, томящихся на Койбе, острове-тюрьме, который приобрел в Панаме страшную известность. В каждом коротком рассказе политический заряд огромной силы. Я не могу сказать, что поэт здесь уступает место публицисту, хотя есть, например, рассказ, построенный почти целиком, на цитатах из газет. Видимо, именно таков талант Чангмарина, поэта-борца, превращающего слово в разящее оружие — стремительное и меткое. Эта книга, основанная на реальных случаях, пережитых автором в застенках Панамы, открывает нам и новые страницы биографии Чангмарина.

РОНСАР В НАШЕ ВРЕМЯ

Ронсар. Лирика. Переводы с французского и предисловие В. Левика. Сокровища лирической поэзии. Москва, «Художественная литература», 1963. 159 стр.

Издательство «Художественная литература» выпустило в свет первые сборники из большой серии «Сокровища лирической поэзии». Эта серия, нашедшая и удачное графическое решение, судя по ее началу, является серьезным издательским замыслом. Преимущество серийности состоит, в частности, и в том, что читатель получает систематическое представление об известной отрасли литературы. «Сокровища лирической поэзии» включают поэтов всех стран и всех эпох. Ее географические и хронологические пределы позволяют надеяться, что в ближайшие годы наш читатель будет иметь превосходное и универсальное собрание лучших образцов мировой лирики.

В известном смысле серия эта может стать и энциклопедией русского переводческого искусства. Здесь уровень нашей переводной поэзии будет наглядно сопоставлен с высочайшими образцами русской лирики. Конкурс для переводной поэзии не легкий. Думается, что издательство должно создавать сборники самого разнообразного типа, чтобы показать сильные стороны нашего перевода. Когда поэт достаточно хорошо переведен, издательство может ото-

Он дописывал книгу в Москве в конце 1961 года. И посвятил ее советскому народу.

Советские читатели благодарны Карлосу Чангмарину за его поэзию, за его рассказы, которые открывают нам Панаму, ее народ.

ГЕНРИХ БОРОВИК

брать лучшие из имеющихся переводов. Так был сделан сборник стихов А. Мицкевича. Иногда имеющиеся переводы стоит дополнить новыми, как это произошло в сборнике В. Незвала. Есть авторы, которые удаются одному переводчику. К такому типу относится сборник стихов Ронсара в переводе В. Левика.

Ронсар в переводе Левика — заметное явление русского поэтического перевода. Здесь очень ярко раскрываются некоторые особенности творческой индивидуальности переводчика. К ним интересно присмотреться.

Юлиан Тувим, немало размышлявший над проблемами перевода, сравнивал переводчика с часовщиком: перевод должен показывать то же время, что и оригинал. Я бы сравнил перевод с шахматными часами. Он должен показывать два времени — время оригинала и время переводчика. Мы переводим стихи на язык своего времени. Переводить Пьера Ронсара, поэта XVI века, на русский язык XVI века никто не возьмется, да и работа эта была бы бессмысленна. Но не только на язык своего века переводит поэт другого поэта, он переводит его и на язык своей поэзии. В самом слове «переводить» содержится некий дружественный смысл: взять за руку и перевести через поток времени с того берега, где жил поэт, на берег, где живем мы. Это не пиратский набег или насильственное похищение, это приглашение поселиться навсегда в нашей поэзии.

Процесс перевода можно условно разделить на два этапа: познание оригинала и

изложение результатов этого познания средствами русского стиха. Для второго нужны способности чисто технические — та или иная степень владения стихом. Для того, чтобы познать оригинал, нужно обладать поэтическим талантом особого склада, ибо в переводе, как и в любом другом роде поэтического творчества, главное — способность познавать.

Вильгельм Левик проникновенно постиг Пьера Ронсара и постигнутое воплотил в ясных русских стихах. Задача перевести на русский язык прославленного француза не из легких. Трудности чисто версификационные стоят здесь на последнем месте. Труднее всего было передать образный строй Ронсара, поэта латинского корня, корня, который уже более ста лет мало питает русскую поэзию. Не случайно наша поэзия не остановилась на силлабическом стихе, а восприняла стихосложение, свойственное поэзии германской и английской. Дело здесь не только в свойствах языка, дело в характере поэтического мышления, в глубинных слоях поэтической культуры. Пьер Ронсар, умеющий страсти выражать в форме логической и рациональной, обремененной ассоциациями, уходящими в глубь латинской культуры, далек от русского поэтического мышления, вещественного и зримого уже у Ломоносова и Державина, достигшего несравненной силы у зрелого Пушкина, научившего русскую поэзию воплощать страстное чувство и высокую мысль в образе пространственном и предметном. Этот характер русской поэтической культуры, чья основа лежит в народной поэзии, далек от принципов, утверждаемых поэтами Плеяды и продолжаемых во французской поэзии XVIII, XIX и даже XX веков. Не поэтому ли так редки удачи у наших переводчиков с французского. Лафонтен нам кажется скучным рядом с Крыловым, Гюго — чрезмерно выпященным (французам он таковым не кажется), парнасцы — чрезмерно холодными. Может быть, более всех нравятся нам в переводе буйный Вийон и иронически-веселый Беранже, выражающие стороны французской поэтической культуры, более близкие нам.

В. Левик взял на себя задачу перевести на русский язык одного из самых «французских» поэтов. Труд это многолетний и упорный. Ему чуть ли не четверть века.

Левик перевел Ронсара на язык русской поэзии, не полностью растворяясь в нем, а обнаруживая свои пристрастия к определенным явлениям нашей поэзии.

Гранитный пик над голой крутизной,
Глухих лесов дремучие громады...

Едва ли ронсаровские леса — «дремучие» и «глухие». Это идет от русской поэтической культуры начала XIX века — стихии, наиболее близкой Левику-поэту. Поэт, может быть, глубоко прав, избирая для русского Ронсара изобразительные средства того периода русской поэзии, когда она активно осваивала достижения французов, когда в подзаголовках стихов часто ставили «с французского». Это был период наибольшего сближения русской и француз-

Ронсар

ской поэзии, и Левик прав, обращаясь к нему.

Но Левик не механически копирует язык, отделенный от нас полуторастолетием. Смотрите:

Дриаду в поле встретил я весной,
Она в простом наряде, меж цветами,
Держа букет небрежными перстами,
Большим цветком прошла передо мной.

В «большом цветке» есть уже скрытая доля иронии человека двадцатого века над стилистическими средствами прошлого, иронии, так явно проступающей во многих стихах Заболоцкого.

Левик серьезен, когда время не сделало чувства Ронсара и их выражение условными, и тонкая дружественная ирония, похожая на отношение взрослого к дитяти, украшает и оживляет его стих, когда чувства оригинала в значительной степени стерлись для нас. В этом проявляется личное отношение переводчика к материалу, отношение, без которого нет поэтического перевода.

И зато с какой самоотдачей умеет Левик воспроизвести Ронсара, когда содержание стиха не стерлось, когда перед ним факт поэзии, реальной во все времена. Я имею в виду хотя бы сонет «Когда, старушкою, ты будешь прясть одна» и не привожу его только потому, что он достаточно хорошо известен.

Ронсар возвышенный и Ронсар шуточный звучит по-русски с той свободой и непринужденностью, которые свидетельствуют о победе переводчика. Победа переводчика — это прежде всего победа над читателем, умение внушить читателю свою точку зрения на оригинал, заставить его поверить, что контуры истинного Ронсара и Ронсара переведенного полностью совпадают.

В переводах Левики эти контуры действительно совпадают, и поэтические средства, которыми владеет переводчик, направлены на то, чтобы это совпадение было наиболее полным. В конечном счете иной цели у перевода нет.

Д. САМОИЛОВ